

СТОИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ И ЕГО КРИТИКА КАРНЕАДОМ

О.А. ЗЕЛЕНСКИЙ

Московский государственный университет экономики, статистики и информатики

e-mail: OAZelenskiy@mesi.ru

Когда мы хотим понять, какое место стоики занимали философии, одно из первых, что приходит на ум практически любому исследователю античной философии, – это их детерминизм и теория судьбы. На протяжении исторического развития философии позиция стоиков получила немало сторонников и противников. В данной статье мы хотим коснуться истоков антистоической аргументации, представленных в лице Карнеада и, возможно, его ближайших последователей. Для того чтобы понять плюсы и минусы карнеадовской позиции, мы осуществим предварительный анализ основных предпосылок стоического детерминизма.

Ключевые слова: Детерминизм, стоики, судьба, причинность, континуальность, дивинация.

Введение

Стоическую философию невозможно представить без ставших знаменитыми утверждений, в которых судьба называется «разумным принципом, согласно которому устроен мир»¹, или «связующей причиной вещей»², или «величайшей необходимостью»³. Когда разговор заходит о том, какое место стоики занимали философии, одно из первых, что приходит на ум практически любому исследователю античной философии, – это их детерминизм и теория судьбы.

На протяжении последующей истории философии было очень мало мыслителей, которые совершенно равнодушно относились к стоическому детерминизму и не выразили бы своего отношения по этому вопросу. Стоическая позиция обрела немало своих сторонников и критиков. В данной статье мы не собираемся разобраться со всем этим огромным массивом информации. Мы хотим лишь коснуться истоков антистоической аргументации, представленных в лице Карнеада и, возможно, его ближайших последователей.

Но прежде чем рассмотреть основные положения критики Карнеада, мы постараемся рассмотреть основные предпосылки стоического детерминизма (п. 1). Это поможет нам яснее увидеть как плюсы, так и минусы карнеадовской позиции (п. 2). Мы хотим показать, что Карнеад несколько иначе интерпретировал основные положения стоической теории, нежели это могли делать сами стоики. Но утратила ли из-за этого свою ценность его критика? Мы думаем, что нет, поскольку споры о детерминизме нельзя ограничить только полемикой между двумя школами античной философии (в данном случае имеются в виду Стоя и Новая Академия), а ряд аргументов Карнеада позволяет взглянуть на эти вопросы более широко.

1. Основные предпосылки стоического детерминизма

Стоический детерминизм основывался на нескольких ключевых предпосылках. Во-первых, он опирался на представление о мире как о континууме, где ни одна из вещей не выпадает из существующей общей связи. Это связь тел между собой, и причиной для стоиков, т.е. «тем, вследствие чего» (τὸ δι' ὃ), «вследствие чего нечто возникает» (δι' ὃ γίνεται τι), обязательно является какое-либо тело⁴. С другой стороны, это тело является для другого тела причиной чего-то бестелесного, предиката (κατηγόρημα). Этот предикат выражает определенное действие в форме глагола: для ножа – «резать», для огня – «гореть»⁵.

¹ DL VII 149: λόγος καθ' ὃν ὁ κόσμος διεξάγεται.

² Ibid., αἰτία τῶν ὄντων εἰρομένη.

³ Plut. De stoic. rep. 1055 e: κυριωτάτη ἀνάγκη.

⁴ SVF I 89; II 341.

⁵ Ср. SVF II 341.

Стойки выделяли причины как качественных состояний (συχέσεις), так и движений (κινήσεις).

По поводу классификации причин у Хрисиппа мы имеем несколько свидетельств, которые не совпадают друг с другом. Александр Афродизийский⁶ называет четыре вида: предшествующие (προκαταρκτικά), сопричины (συναίτια), поддерживающие (ἐκτικά) и связующие (συνεκτικά) причины, но далее говорит, что их на самом деле гораздо больше. Секст Эмпирик в «Пирроновых положениях»⁷ указывает только три вида: συνεκτικά, συναίτια и συνεργά. Как он поясняет, такая классификация связана с различным отношением причин к следствию. Например, связующие причины (συνεκτικά) имеют очень тесное отношение к своему следствию, и с их уничтожением следствие также уничтожается. Сопричины (συναίτια) несут равную ответственность в производстве следствия наряду с другими сопричинами, а содействующие причины (συνεργά) играют менее значимую, сопутствующую роль для следствия⁸. Ключевым моментом в этих и других классификаций является выделение основных и вспомогательных причин. Это подтверждается свидетельством Цицерона⁹, в котором говорится, с одной стороны, о самодостаточных¹⁰ и основных причинах (causae perfectae et principales), с другой стороны, о содействующих и ближайших (adiuvantes et proximae). В чем особенность основных причин, среди которых главную роль, несомненно, выполняют συνεκτικά? Во-первых, существует сильная связь между причиной и следствием: присутствие первой, как правило, предполагает второе. Во-вторых, причины называются связующими (συνεκτικά), так как они отсылают к пневматическому субстрату, который, будучи приведен в устойчивую структуру (ἔξις), создает единство определенной вещи. Это дало основание Форшнеру¹¹ охарактеризовать такую трактовку связующей причины как материализацию аристотелевской формальной причины. Цицерон приводит пример, иллюстрирующий различие основных и вспомогательных причин¹²: если вращающийся цилиндр получит толчок, то он начнет двигаться согласно своей природе, поскольку способность двигаться является его собственным свойством, а не воспринятым извне. Таким образом, толчок оказывается вспомогательной причиной, основная же причина заключена в природе самого цилиндра.

Стоическое учение о судьбе было также тесно связано с рассмотрением логических проблем. Во-первых, стойки внесли свой вклад в обсуждение вопроса о возможности и необходимости, который имел большое значение для Аристотеля и мегариков. Во-вторых, они связывали всеобщий характер судьбы с принципом бивалентности и отсутствием провалов значений, т.е. таких ситуаций, когда высказывание не является ни истинным, ни ложным. Таким образом, физический детерминизм вытекал из детерминизма логического. Рассмотрим по порядку обе эти темы.

Аристотель, рассуждая в 9 главе De interpretatione о высказываниях в отношении будущих событий, указывает такие высказывания, которым нельзя приписать никакого истинностного значения: ни истину, ни ложь. Это касается событий подлунного мира, поскольку все будущие события в надлунном происходят с необходимостью и заранее получают соответствующее истинное значение. Таким образом, к высказываниям о будущих событиях в подлунном мире применима логическая категория возможности, в то время как о том, что было или что есть, можно говорить только с необходимостью. Но на один фундаментальный вопрос аристотелевские тексты дают различные ответы. В 4 главе 9 книги «Метафизики» Аристотель рассуждает о том, что возможное должно хотя бы раз случиться, произойти. Если следовать этой логике, то неверно говорить о том, что что-то возможно, но не произойдет, поскольку тогда теряется отличие возможного от не-

⁶ SVF II 945.

⁷ SE PH III 15.

⁸ Еще о классификации причин см. SVF II 346, 354.

⁹ Cic. Fat. 41.

¹⁰ Здесь Цицерон явно имеет в виду греческую αὐτοτελῆς αἰτία. О различении αὐτοτελῆς αἰτία – προκαταρκτικῆ αἰτία см. также SVF II 997.

¹¹ Forschner M. Die stoische Ethik: über den Zusammenhang von Natur-, Sprach- und Moralphilosophie im altstoischen System. Stuttgart, 1981. S. 92.

¹² Cic. Fat. 42.

возможного (этот аргумент использовал затем Диодор Крон для своего определения возможного). С другой стороны, в 9 главе *De interpretatione* мы видим, что возможное может и не быть осуществлено. Например, платье, которое может быть разрезано, не будет разрезано, а износится раньше¹³.

Тема высказываний о будущих событиях сильно заинтересовала позднего представителя мегарской школы, Диодора Крона¹⁴, младшего современника Аристотеля. Ранние мегарики выдвинули не очень убедительную теорию о том, что возможно только то, что реально происходит. Из этого выходит, как указывает Аристотель, что человек только тогда может строить дом, когда он действительно его строит. Диодор продвинулся намного дальше, и ему приписывается известный в античности аргумент. Этот аргумент представляет собой лемму из трех высказываний, которые, как полагал Диодор, являются несовместимыми¹⁵.

(1) Все высказывания, истинные в отношении прошлого, необходимы.

(2) Невозможные высказывания не следуют из возможных.

(3) Возможно высказывание, которое неистинно и никогда не будет истинно.

Диодор принимал первые два высказывания, но отвергал третье. Таким образом, он отбрасывал нефактуальные возможности. При этом необходимым высказыванием он считал такое, которое все время истинно и никогда не бывает ложным. Диодор не отвергал контингентные высказывания, т.е. такие, которые истинны только в некоторые моменты времени. Но их возможность зависит не столько от внутренних свойств, сколько от того, реально ли происходит нечто.

Ученик Диодора Филон¹⁶ попытался по-другому определить возможное: им является то, что по своей внутренней природе годно (*ἐπιτήδειος*) для того, чтобы произойти. Филон имел в виду некоторую потенцию, и совсем не обязательно, будет она актуализована или нет. Таким образом, он допускал нефактуальные возможности. Помимо этого, он также считал, что постоянная истинность высказывания во времени еще не является гарантией его необходимости.

Стоики во многом опирались на выводы Филона, но добавили к его критерию фактор отсутствия внешних препятствий. Так, Хрисипп¹⁷ считал необходимым то, что не способно быть ложным, либо способно, но внешние обстоятельства препятствуют этому. Возможным же оказывалось то, что способно быть истинным и нет внешних препятствий для того, чтобы оно было истинным. Стоики также подробно разбирали лемму Диодора и предлагали различные варианты решения. Например, Клеанф принимал (2) и (3), а Хрисипп утверждал об истинности только (1) и (3). Таким образом, они не были согласны между собой в вопросе о том, являются ли истинные высказывания в отношении прошлого необходимыми. У нас нет свидетельств о том, как обосновывал свою позицию Клеанф, считая не все высказывания о прошлом необходимыми, но нам кажется довольно убедительным объяснение Риста¹⁸. Согласно Ристу, Клеанф применил аргумент в отношении возможности как к будущему, так и к прошлому. То, что не будет фактически истинным в будущем, тем не менее, может оказаться возможным. Следовательно, и то, что не было фактически истинным в отношении прошлого, так же не обязательно является невозможным. Логическое объяснение Хрисиппа довольно просто установить: поскольку невозможно, чтобы то, что случилось, перестало быть таковым, все высказывания, истинные в отношении прошлого, необходимы.

Важное место в стоическом обосновании детерминистской позиции имело также принятие принципа бивалентности. Хрисипп устанавливал связь между двумя утверждениями: «всякое высказывание или истинно, или ложно» (*omnis...enuntiatio aut vera aut*

¹³ Arist. *De interpr.*, 19a 10-15.

¹⁴ Главный источник по модальной теории Диодора Крона – это комментарий Боэция к *De interpretatione* Аристотеля (Boet. Int. II 234, 22-26). Полезная информация содержится также у Цицерона (Cic. Fat. 12-13, 17), Эпиктета (Epict. Diss. II 19, 1-5) и Плутарха (Plut. *De stoic. rep.* 1055e).

¹⁵ Впрочем, Аристотель в *De interpretatione* принимал все три.

¹⁶ О позиции Филона см.: Boet. Int. II 234, 10 – 21.

¹⁷ О модальной теории Хрисиппа см.: DL VII 75, Cic. Fat. 12-15, Boet. Int. II 234-235, II 393, Plut. *De stoic. rep.* 1055 d-f.

¹⁸ Rist J.M. *Stoic Philosophy*. Cambridge, 1969. P. 117.

falsa est) и «нет движения без причины» (*motus... sive causa nullus est*)¹⁹. Но каким образом доказывалась эта связь? Цицерон, излагая аргумент Хрисиппа, здесь ограничивается скупой формулировкой: «то же, что не имеет действующих причин, то не окажется ни истинным, ни ложным»²⁰. Бобзайн²¹ предполагает довольно интересное решение: общий контекст спора связан с вопросом о будущих событиях²², и, говоря о принципе бивалентности, стоики также должны были иметь в первую очередь проблему истинности и ложности высказываний о будущих событиях. Поэтому нужно показать логическую определенность именно таких высказываний. Эту определенность Бобзайн показывает следующим образом: «должно быть *сейчас*» (курсив автора – О.З.) что-то, что устанавливает или гарантирует истинность»²³. Отсюда ясно, что присутствие в настоящем соответствующего каузального фактора делает уже сейчас высказывание о будущем событии истинным. Но нужно показать применимость принципа бивалентности не только к подобным высказываниям, но и ко всем вообще, и здесь Бобзайн предпринимает следующий шаг. Она обращает внимание на фразу в *Fat. 21*, что все происходит «из вечных причин будущих вещей» (*ex causis aeternis rerum futurarum*). В таком случае, прошлые события, пока они не наступили, оставались будущими, и на них действовали каузальные факторы, так же, как и в случае с будущими событиями. Подобная интерпретация не лишена недостатков. Если стоики действительно строили аргументацию таким образом, то получается, что уже с самого начала предполагалось, что еще должно было быть получено в заключении, а именно, единая цепь причин и то, что ничто не происходит беспричинно. Ведь без существования подобной цепи мы не можем переносить на прошлое то, что мы применяем к будущим событиям. Впрочем, неудивительны трудности, с которыми мы сталкиваемся при анализе позиции логического детерминизма, поскольку она основывается на целом ряде догматических допущений. Из предыдущего анализа, прежде всего из работ Аристотеля, мы видим, что уже в античные времена были сомнения по поводу всеобщей применимости принципа бивалентности. Не менее спорен и постулат, устанавливающий полное соответствие между логической связью понятий и физической связью вещей.

Стоикам принадлежит также довольно смутный аргумент в защиту судьбы на основании существования дивинации, искусства предсказания будущего. Ведь, образно говоря, из единичных фактов предсказания так же сложно прийти к выводу о всеобщности судьбы, как от отдельных кирпичей – к полностью построенному дому. Гарантией возможности дивинации стоики считали промысл богов, ведь забота богов о людях проявляется, в частности, в том, что люди получают соответствующие знаки. Но даже если мы и примем это, то мы обнаружим лишь существование определенной связи между вещами, но ничто не заставляет нас принять, что эта связь является всеобщей.

2. Критика стоического учения о судьбе

Рассмотрим теперь главные направления критики стоического учения о судьбе. Во-первых, академики делали ясное различие между причиной и условием. Так, Цицерон пишет, что «... существует различие между тем, без чего (*sine quo*) что-либо не может произойти, и тем, в связи с чем (*cum quo*) что-то необходимо происходит»²⁴. Подобное возражение стоикам вполне обоснованно, поскольку их классификация причин не столько проясняет дела, сколько смешивает под общим понятием причины факторы самого разного рода. Во многом из-за этого смешения довольно двусмысленно звучит стоический принцип о том, что все происходит по предшествующим причинам, неоднократно повторяемый Цицероном в трактате «О судьбе». Это утверждение можно понимать и таким образом, что наступлению любого события неизменно предшествует какое-то условие, и так, что судьба – это совокупность только предшествующих причин. В последнем случае понятие причины полностью смешивается с понятием условия, и несообразности этого подхода с остальной стоической философией достаточно убедительно показала

¹⁹ Cic. *Fat.* 20.

²⁰ *Ibid.*: *causas enim efficientis quod non habebit, id nec verum nec falsum erit.*

²¹ Bobzien S. *Determinism and Freedom in Stoic Philosophy.* Oxford, 1998. P. 64-72.

²² Ср., например, Cic. *Fat.* 26.

²³ Указ.соч. P. 66.

²⁴ Cic. *Fat.* 36.

Бобзайн²⁵, но, тем не менее, существование указанного антистоического аргумента подтверждает тот факт, что учение стоиков было не вполне ясно в этом вопросе. Естественно, они хотели сохранить два момента: и континуальность, непрерывность причинного ряда судьбы, что было бы невозможно, не прибегая к вспомогательным причинам, и обосновать действия, исходящие из собственных свойств человеческой природы, но найти баланс между этими двумя сторонами, ставшими в последующем антитезами третьей антиномии чистого разума Канта, удавалось далеко не всегда.

Это постарался показать в своем аргументе, изложенном в Fat. 31, Карнеад. Он выводит из того, что все происходит по предшествующим причинам (*omnia antecedentibus causis fiunt*), в качестве следствия, что ничто не находится в нашей власти (*nihil est in nostra potestate*). Естественно, он вкладывает несколько иной смысл в исходное утверждение: он рассматривает причину именно как действующую причину, как *cum quo*, не как *sine quo*. Стоики же, несомненно, относят к причинам и вспомогательные. Помимо этого, есть и другое важное расхождение: аргумент подразумевает, что судьба – это некая внешняя сила, воздействующая на людей и направляющая их поведение, но для стоиков это совсем не так. Мы знаем, что стоики отождествляли судьбу с Богом, активным принципом, наполняющим весь мир, поэтому сомнительно, что он действует только извне, не будучи способным работать изнутри. Помимо этого, согласно стоикам, наше поведение зависит тесным образом от нашего познания, от согласий на соответствующие впечатления, но в таком случае стоикам пришлось бы сделать выбор между тем, что судьба не охватывает наших согласий, что они, несомненно, отвергали, и тем, что судьба действует изнутри. Также Карнеад еще допускает, что непрерывная связь причин подразумевает необходимость. На это стоики могли бы ответить, что если будущее событие изначально определено к тому, чтобы произойти, это еще не говорит о его необходимости с точки зрения причинения. Хрисипп мог считать достаточным ответом на возможные возражения свою теорию модальностей, согласно которой, чтобы нечто было необходимым, недостаточно того, что оно истинно, пусть даже извечно, важно также убедиться, нет ли внешних препятствий его наступлению. Но все-таки Карнеад мог на это возразить: не ничтожны или даже не выдуманы ли вообще внешние препятствия, если событию издавна предопределено случиться? Получается, что у Хрисиппа эти препятствия оказываются не более чем логическими возможностями, и в таком случае справедливо замечание Г.Г. Майорова, что «Хрисипп... на деле свел реальную (физическую) проблему случайности к логической проблеме возможности»²⁶. Рассмотрим теперь этот аргумент с другой стороны, с точки зрения того, как понималось находящееся в нашей власти. Здесь расхождения столь же фундаментальны: академики, исходя из логики рассуждения, должны были настаивать на том, что *in nostra potestate* подразумевает реальный выбор между несколькими альтернативами. Это явно не стоическая точка зрения: для них выбор оказывается второстепенным моментом, если и вовсе не мнимым, на первый план выходит реализация свойств собственной индивидуальной природы. Таким образом, главное воздействие на поведение человека происходит не извне, а изнутри, и в какой-то мере уже ясно, как именно он поступит. Из сказанного ясно, что стоики нашли бы массу возражений на аргумент Карнеада, они бы показали, что предшествующие причины не подразумевают необходимого причинения, что связь причин не влечет за собой необходимости, но это все равно мало проясняет главную трудность стоического учения о судьбе – как порядок, в котором все просчитано и предугадано на сотни лет вперед, все-таки не превращается тем самым в физически необходимый.

Объектом академической критики были также следствия логического детерминизма. Из рассуждений, изложенных в Fat. 23-26 мы видим, что Карнеад хотел показать невыводимость из принципа бивалентности утверждения о всеобщей власти судьбы. Мы знаем, что Хрисипп связывал движения души, в частности согласия, с предшествующими им впечатлениями: последние сравнимы с толчком, получаемым цилиндром перед тем, как он начинает двигаться. Но, как заявляет Карнеад, «нет внешних и предшествующих

²⁵ Указ. соч. Р. 301-314.

²⁶ Майоров Г.Г. Цицерон как философ// Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические. Москва, 2004. С. 182.

причин для нашей воли»²⁷, а единственная причина – это собственная природа. Но стоики ведь и не говорили о внешней причине в данном контексте как об основной, а Карнеаду могли возразить, что действия, о которых он говорит, подобны рождению из ничего. Тем более что индивидуальная природа подчинена природным же закономерностям и не отделена от общей природы. Стоикам было очень важно сохранить непрерывность связей в природе, поэтому они считали опасным и неприемлемым принятие самопроизвольных движений.

Целый блок академических возражений касается стоического учения о дивинации. Во-первых, если дивинация существует, то у нее должен быть какой-либо предмет. Тем более что стоики уверяют нас в том, что дивинация – это искусство²⁸. Но найти подходящий предмет для этого искусства не удастся. Аргументация в *De div. II* 9-12 формально достаточно сходна с сократическими приемами, например, в первой книге «Государства», где ищется, в чем состоит полезность справедливости как искусства. В случае дивинации показывается, что если предсказание будущего требует определенных познаний, то лучше обратиться не к гадалею или гадалке, а к специалисту. Если же для этого будущего события нет никаких оснований в настоящем, то как можно его предсказать²⁹? Это невозможно, и именно этот класс событий Цицерон имеет в виду, говоря в *De Div. II* 19, что случайное никак нельзя предвидеть. Но даже если дивинация существовала бы, то в ней нет никакой пользы, если все подчинено судьбе, если все события уже заранее предопределены³⁰.

Заключение

Несмотря на возможные возражения стоиков, критику академиками позиции детерминизма следует признать достаточно разработанной. Кроме того, она удачно подмечает главную слабость стоического учения о судьбе: если единая цепь судьбы охватывает от вечности все, что должно произойти, то имеют лишь формальный интерес стоические исследования, необходимы ли данные события с точки зрения логики или нет. Стоики также считали вполне достаточным для того, чтобы доказать существование находящегося в нашей власти, просто отнести его к действиям на основе нашей природы, пусть и подчиненной всевластию судьбы. Это спорно, однако стоики не видели здесь никакой реальной трудности. Эту трудность увидели академики, но и их способ ее решения путем простого постулирования самопроизвольных движений наивен хотя бы потому, что возможность самопроизвольных движений также нуждается в своем доказательстве.

Принятые сокращения

Arist. <i>De interpr.</i>	Аристотель. Об истолковании.
Boet. <i>Int.</i>	Боеций. Комментарий к трактату Аристотеля «Об истолковании».
Cic. <i>Fat.</i>	Цицерон. О судьбе.
DL	Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.
Epict. <i>Diss.</i>	Эпиктет. Беседы.
Plut. <i>De stoic. rep.</i>	Плутарх. О противоречиях стоиков.
SE PH	Секст Эмпирик. Пирроновы положения.

²⁷ Cic. *Fat.* 23: *voluntatis enim nostrae non esse causas externas et antecedentis.*

²⁸ Ср. Cic. *Fat.* 11.

²⁹ Cic. *De div. II* 15. Ср. Cic. *Fat.* 32: «Карнеад говорил, что Аполлон может со своей стороны предсказать только те будущие события, чьи причины содержатся в природе таким образом (*ita*), что эти события обязательно произойдут».

³⁰ Cic. *De div. II* 20-25.

SVF

Stoicorum Veterum Fragmenta/ Ed. H. von Arnim, vol. 1-3, Leipzig, 1903-1905; ed. M. Adler, vol.4 (indexes), Leipzig, 1924.

Список литературы

1. Forschner M. Die stoische Ethik: über den Zusammenhang von Natur-, Sprach- und Moralphilosophie im altstoischen System. Stuttgart, 1981.
2. Rist J. M. Stoic Philosophy. Cambridge, 1969.
3. Bobzien S. Determinism and Freedom in Stoic Philosophy. Oxford, 1998.
4. Майоров Г.Г. Цицерон как философ// Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыты теоретические и исторические. Москва, 2004. С. 148-188.

STOIC DETERMINISM AND CARNEADES' CRITICISM AGAINST IT

O.A. ZELENSKIY*Moscow State University
of Economics, Statistics
and Informatics**e-mail: OAZelenskiy@mesi.ru*

When we want to realize the place of Stoic school in philosophy, one of the first that comes to mind for almost any historian of philosophy is their determinism and theory of fate. Throughout the historical development of philosophy position of Stoics have got many supporters and opponents. In this article we want to touch the origins of anti-Stoics arguments which was presented by Carneades and his immediate followers. In order to understand advantages and disadvantages of Carneades' position, we should make a preliminary analysis of the basic prerequisites of Stoic determinism.

Determinism, the Stoics, fate, causality, continuity, divination.